

Войдя во двор, Цзян Сяои расставил для гостей стулья. Бай Цзыму, проявив исключительную вежливость, поочерёдно поприветствовал каждого.

Двоюродная бабушка, глядя на его необычайную красоту и учтивость, осталась им весьма довольна.

Хоть они и не виделись прежде, но несколько дней назад, когда Цзян Сяосань собирал овощи, она остановила его и украдкой расспросила, что за гэфу у них появился, хорошо ли он к ним относится.

Цзян Сяосань ответил, что гэфу очень хороший: и готовит, и убирает, и играет с ними, и целует их, и старшего брата тоже. Он очень любит гэфу.

Услышав это, двоюродная бабушка поняла, что он человек хороший. Прежде она его не видела, а сейчас, наконец, встретившись, не могла отвести от него глаз.

Бай Цзыму, заметив её пристальный взгляд, улыбнулся и, лично принеся ей стул, любезно сказал:

— Бабушка, садитесь, пожалуйста.

— Ай, хорошо, хорошо, — с доброй улыбкой ответила двоюродная бабушка. — Готовил, значит?

Бай Цзыму кивнул:

— Да.

— Ох, в наше время мужчины, умеющие готовить, — большая редкость! Ты одним этим уже лучше многих других.

Бай Цзыму хлопнул себя по бедру:

— А кто бы спорил! Бабушка, вы не только добрая и милая, но и очень проницательная. Сразу разглядели во мне редкого и замечательного мужчину. Неудивительно, что я, едва вас увидев, почувствовал к вам такую симпатию.

Двоюродная бабушка и обе тётушки не могли сдержать смеха.

Цзян Сяои тоже был рад. Цзян Даню, указывая на играющих детей, спросил его:

— Во что это они играют? Само движется, да ещё и со звуком. Удивительно.

— Игрушечная машинка, — снова принялся рассказывать сказки Цзян Сяои. — Фуцзюнь купил у одного торговца для младших братьев.

— А, вот оно что.

Двоюродная бабушка посмотрела на небо:

— А где же твой отец?

Обычно в это время отец Цзян уже был дома, но сегодня его всё не было.

Цзян Сяои тоже начал беспокоиться и уже собирался пойти к въезду в деревню, как во двор вошёл отец Цзян.

— Отец.

Двоюродная бабушка посмотрела на него:

— Что-то ты сегодня поздно?

Отец Цзян держал в руках свёрток из старой ткани. Он объяснил, что, когда помогал семье Ли убирать кукурузу, услышал от старика Ли, что его жена шьёт самые лучшие подошвы для обуви — прочные и мягкие. Отец Цзян тогда специально посмотрел на обувь старика Ли — подошвы и вправду были толстыми, в такой обуви ноги не устают.

Бай Цзыму сказал ему, что нашёл работу в городе, а значит, ему придётся каждый день ходить пешком. Деревня находилась в нескольких ли от города, а своей повозки у них не было. В обуви с тонкими подошвами ноги долго не выдержат.

На днях отец Цзян попросил тётушку Ли сшить пару, и сегодня, когда он закончил работу, тётушка Ли как раз заканчивала, и он её дождался.

Двоюродная бабушка улыбнулась:

— Ну и торопыга. Мог бы и завтра забрать, по темноте ходить опасно.

— Цзыму завтра на работу, — ответил отец Цзян.

Все из старшей ветви семьи посмотрели на него:

— На какую работу?

В последнее время работа на полях почти закончилась, только за соевыми бобами нужно было присматривать. Мужчины из семей, где их было много, отправлялись в город на заработки, чтобы подкопить денег к Новому году.

Цзян Даню и Цзян Дашу тоже ходили, но несколько дней подряд не могли найти работу.

И не только они — так было у большинства в деревне.

Ведь вокруг было с десятков деревень, а работы в городе было не так уж и много.

Но Бай Цзыму так вкусно готовил, может, нашёл работу повара?

Отец Цзян, с довольным лицом и нескрываемой радостью в голосе, ответил:

— Да так, ничего особенного. Управляющим в таверне «Фулай».

Семья старшего дяди: «...»

Все замерли.

Дыхание у всех стало тяжёлым.

Отец Цзян махнул рукой:

— Да ладно вам, ничего особенного. Садитесь есть, а то всё остынет.

Семья старшего дяди: «...»

И это «ничего особенного»?

Кому сейчас было до еды?

Двоюродная бабушка чуть не задохнулась, она серьёзно заподозрила, что ослышалась:

— Третий, что ты сейчас сказал? Бай в таверне «Фулай» управляющим? Ты меня не

разыгрываешь?

— Как я смею вас разыгрывать? — ответил отец Цзян.

Дядя и остальные никак не могли в это поверить.

Бай Цзыму будет управляющим в таверне «Фулай»?

Это... это невозможно!

Все невольно посмотрели на кухню.

Как раз перед возвращением отца Цзян, рыба с квашеной капустой томилась на огне, чтобы не остыла и не потеряла вкус. Сейчас Бай Цзыму был занят на кухне, а Цзян Сяои стоял рядом. Они смеялись и переговаривались, подавая блюда, и при этом, будто играя, толкали друг друга.

Семья старшего дяди видела Лю Хуцзы. Непредвзято говоря, он выглядел солидным и надёжным, и говорил не так, как они, — сразу было видно, что человек с будущим.

А теперь посмотрим на Бай Цзыму...

Этот его легкомысленный и несерьёзный вид... если честно, он совсем не походил на человека, способного на великие дела. Скорее уж на тех, кого в городе называют «праздными сынками».

Каким должен быть управляющий, они толком не знали. Но, заходя иногда в лавки за покупками, они часто видели, как управляющие щёлкают на счётах.

Значит, он должен уметь считать, а может, и грамоту знать...

Тётушки не могли поверить, они были ошеломлены. Но Цзян Даню и Цзян Дашу поверили.

Недавно, ища работу в городе, они проходили мимо таверны «Фулай» и видели на двери объявление на красной бумаге. Они подумали, что набирают работников, и обрадовались, но зайти спросить не решились. Они спросили у прохожего, и тот сказал, что ищут управляющего, грамотного...

А недавно, проходя мимо, они заметили, что объявление исчезло.

Семья старшего дяди была ошеломлена этой новостью, долго не могла прийти в себя.

Нужно было понимать, что Лю Хуцзы, будучи всего лишь разносчиком, стал самым успешным парнем на десять ли в округе, и никто не смел его трогать.

Семья Лю от этого так задрала нос, что презирала их семью Цзян за бедность, смотрела на них свысока и вела себя бесцеремонно.

А теперь Бай Цзыму станет управляющим!

Хоть они и не очень разбирались в тонкостях работы в таверне, но понимали, что разносчик подчиняется управляющему.

Управляющий главнее разносчика.

Значит, Бай Цзыму ещё успешнее, чем Лю Хуцзы?

Если эта новость разнесётся, то, боюсь, снова будет переполох.

Когда Бай Цзыму вышел из кухни, он увидел, что вся семья старшего дяди смотрит на него горящими глазами.

Первая и вторая тётушки даже подбежали к нему и, суетясь, сказали, чтобы он не утруждал себя, сел за стол.

Бай Цзыму почесал голову. Что случилось?

Почему они так на него накинулись, как странные тётушки?

Даже Цзян Даню, этот бессердечный парень, который не любил говорить по-человечески, смотрел на него как-то странно — то ли с восхищением, то ли с радостью.

Неужели, за это время он стал ещё красивее? И теперь даже мужчины не могут устоять перед ним?

Эх, это проклятое обаяние.

За ужином дети сидели за одним столом, а взрослые — за другим.

Узнав, что отец Цзян купил ему стельки, хоть это и была не дорогая вещь, но подарок от души, Бай Цзыму снова начал:

— Отец, я так тронут! В будущем я обязательно буду любить вас, заботиться о вас до конца ваших дней, выносить за вами горшок. Ешьте вот это, эта рыба очень вкусная.

Отец Цзян улыбался.

Хоть эти слова про любовь и были немного приторными, но слышать их было приятно.

Он положил Бай Цзыму в миску кусок кишки:

— Ты тоже ешь, не только мне клади. Завтра на работу, трудись хорошо.

— Непременно, — сказал Бай Цзыму. — В месяц несколько лянов серебра платят, если не буду хорошо работать, так не пойдёт.

Семья старшего дяди: «...»

Сегодняшние потрясения следовали одно за другим.

Несколько лянов серебра в месяц! Это сколько же? И как Бай Цзыму мог говорить об этом таким спокойным тоном?

Дядя, онемев, спросил... Накануне он ел жареную печень с кишками, которую принёс Цзян Сяои, и до сих пор не мог забыть этот вкус. Сегодня, зная, что они идут сюда на ужин, он всё время думал об этом. Но сейчас еда как будто потеряла вкус.

Он не знал, радоваться ему или удивляться.

— Парень, ты что, и грамоту знаешь? — спросил он.

— Знаю, — небрежно ответил Бай Цзыму. Как же ему сдавать экзамены, не зная грамоты?

Но семья старшего дяди этого не знала, что не было странным. В конце концов, занять последнее место — не самое почётное достижение. В тот день, вернувшись, он немного стеснялся сказать об этом Цзян Сяои, боясь уронить свой мужской авторитет, а потом и вовсе забыл.

— Ты раньше учился? — спросил второй дядя.

— Учился.

Второй дядя не знал, что и сказать:

— Если учился, то почему побирался?

Бай Цзыму без тени смущения, с праведным видом ответил:

— Учёба ведь не мешает побираться!

Семья старшего дяди онемела.

Двоюродная бабушка была вне себя от радости, теперь Бай Цзыму казался ей ещё более привлекательным.

Раньше в деревне все говорили, что вторая ветвь, взяв себе зятя-гэ'эра, обречена на погибель. Но где же тут погибель? Это же настоящее сокровище они отхватили.

За столом для взрослых царили смешанные чувства, но в основном все были рады. А за детским столом и говорить нечего.

Рисовая каша, мясо, рыба — даже на Новый год не было такого изобилия. Рыба была кислой и острой, детям очень нравилось, они уплетали за обе щеки.

Цзян Сяосань от остроты чуть соплями не захлебнулся, но голова его моталась от удовольствия:

— Рыбка такая вкусная! Юй-гэ, Чжу-гэ, вам нравится?

Чжу-гэ'эр жевал кишку, которая чем дольше жуёшь, тем вкуснее становилась. Он погладил Цзян Сяосаня по голове:

— Нравится. Ты ешь помедленнее, не подавись костью.

— Угу! Сяосань знает, старший брат говорил. Сяосань помнит! — этот ужин прошёл в весёлой и дружной атмосфере.

После ужина, видя, что ещё светло, дети не хотели уходить домой, говоря, что хотят ещё немного поиграть.

Игрушечные машинки были слишком уж интересными.

Двоюродная бабушка разрешила им остаться, но попросила отца Цзян проводить её.

Отец Цзян понял, что у неё есть что сказать.

В это время на улице сидели женщины и фуланы, болтая. Увидев старшую ветвь, они с улыбкой спрашивали, что те ели на ужин. Вечером, когда они сажали овощи, проходили мимо дома Цзян, и оттуда доносился такой аромат!

— Рыбу ели, — улыбаясь, ответила вторая тётушка и перебросилась с ними парой слов.

Запах кисло-острой рыбы был сильным, и от всей семьи старшего дяди пахло ею, даже когда они ушли, аромат ещё витал в воздухе.

Кто-то не удержался и пробормотал:

— Раньше говорили, что семья Цзян, взяв такого зятя-гэ'эра, будет страдать. А я вот смотрю, так это настоящее счастье.

— А то! Раньше вторая ветвь семьи Цзян была такой бедной, что за весь год ни разу не покупала мяса. Даже на Новый год, когда все тушили мясо, у них на столе была одна капуста. Все деньги уходили на лечение Сяоэра, ни одной лишней монеты потратить не могли. А посмотрите сейчас, после того как взяли этого гэ'эра, через день мясо едят.

— А то, сегодня ещё и поросёнка купили!

— Ну и что с того? Может, Бай парень у кого-то денег занял на покупку.

Эта женщина была близка со старухой Сунь и, естественно, недолюбливала семью Цзян. Кто-то, зная это, хмыкнул:

— Так и он молодец. Поросёнок стоит больше ста вэней, это большие деньги. Ты вот попробуй занять, посмотрим, дадут ли тебе.

— Вот именно.

Та женщина, смутившись, замолчала.

Дойдя до дома, двоюродная бабушка наконец сказала:

— Когда свадьбу Сяои устраивать будете? Мне кажется, с этим делом тянуть нельзя.

Второй дядя удивился:

— Мама, к чему такая спешка?

Как же не спешить?

Узнав, что Бай Цзыму знаком со слугами из ямэня, деревенские уже смотрели на него по-другому. За последние два дня никто не смел открыто о нём сплетничать.

А если узнают, что он нашёл такую работу, то ведь его могут и увести.

Нужно поскорее устроить свадьбу, чтобы быть спокойными.

— Сейчас в доме денег нет, — отец Цзян, конечно, это понимал. Достаточно было посмотреть на Лю Хуцзы. Едва госпожа Лю пустила слух, сколько людей тут же на него нацелилось. — Как только подкоплю, сразу им свадьбу устрою.

— Ты знай меру, но сходи к двоюродному дедушке, пусть посмотрит благоприятный день, чтобы мы могли подготовиться, — сказала двоюродная бабушка.

— Я понял, — ответил отец Цзян. — Тётушка, что-то ещё?

Двоюродная бабушка открыла рот, но в итоге покачала головой:

— Ничего, иди домой, отдыхай.

Она хотела сказать, чтобы отец Цзян велел Цзян Сяои присматривать за Бай Цзыму. Но, вспомнив, как заботливо тот вёл себя за столом, поняла, что это лишнее.

Он даже рыбу ел, только выбрав все косточки и положив в миску Цзян Сяои.

***

На следующий день Цзян Сяои разбудил Бай Цзыму очень рано.

Сегодня его первый рабочий день, нельзя опаздывать.

Бай Цзыму, увидев, что на улице только-только светает, почувствовал себя несчастным.

Каждый день так рано вставать — это ж какая мука!

Недосып, боюсь, приведёт к преждевременной смерти.

Но не работать нельзя. Теперь у него на попечении и старый, и малый, нужно кормить семью. Придётся что-то придумать.

Вчерашний ужин съели без остатка. Цзян Сяои сварил ему немного каши, а Бай Цзыму поджарил немного квашеной капусты. Перекусив на скорую руку, он вышел, провожаемый Цзян Сяои. Бай Цзыму ущипнул его за щеку:

— Я пошёл.

Зная, что вечером он вернётся, Цзян Сяои всё равно чувствовал грусть. Он тихо ответил:

— Угу.

— Иди домой. Вечером вернусь, принесу тебе мяса, — сказал Бай Цзыму и, ступая в утренний туман, ушёл.

Проходя мимо дома Цянь, он случайно встретил Цянь Хуцзы, который выходил со двора с двумя мешками зерна.

Лю Хуцзы и Цянь Хуцзы — хоть их и звали одинаково, но разница между ними была огромной.

Лю Хуцзы выглядел уверенным и самодовольным, а Цянь Хуцзы — честным, простодушным и немного робким. Вероятно, из-за госпожи Цянь. Увидев Бай Цзыму, он смутился, вежливо поздоровался и спросил:

— Ты тоже в город?

Они пошли в сторону деревни. Бай Цзыму кивнул, посмотрев на его два мешка:

— Зерно продавать?

— Да, — ответил Цянь Хуцзы.

Каждый раз после сдачи налога семьи продавали часть зерна в городе. Но нести тяжело, поэтому в основном возили на телеге старосты в ярмарочные дни.

Но если вещей много, приходилось доплачивать несколько взней. Некоторые семьи, не желая тратиться, делали как Цянь Хуцзы — потихоньку носили сами. Но за раз можно было унести не больше сотни цзиней, а продавая помалу, в зерновых лавках легко сбивали цену.

— А ты зачем в город? — спросил он.

— На работу, — ответил Бай Цзыму. — Хочешь, я тебе помогу немного пронести?

Цянь Хуцзы на мгновение замер, потом поспешно отказался:

— Не надо, не надо.

Он казался каким-то рассеянным, и Бай Цзыму больше не стал с ним разговаривать.

***

Таверна «Фулай».

Рано утром, ещё до открытия, все работники стояли в главном зале и тихо перешёптывались.

— Управляющий Чжао сказал сегодня быть пораньше, у него важное дело. Что за дело? Ты знаешь?

— Не знаю.

Кто-то более осведомлённый тихо сказал:

— Слышал, новый управляющий пришёл. Сегодня его первый день.

— А! Нашли уже? Когда?

— Ты что, на работе совсем отупел? Объявление снаружи уже несколько дней как сняли, ты что, не видел?

— Не обратил внимания, — усмехнулся тот. — Ты же знаешь, у меня жена недавно дочку родила, такая красавица, мне не до того было. Но кто он?

— Не знаю. Сяо Хэй, ты знаешь?

Сяо Хэй покачал головой:

— Я тоже не знаю, даже не слышал.

О том, что управляющий Чжао собирается уходить, все давно знали. Кто-то вздохнул:

— Я с управляющим Чжао уже несколько лет работаю. Если он уйдёт, мне будет его не хватать. Надеюсь, новый будет хорошим, как управляющий Чжао.

Все согласно закивали.

Если придёт злой, то ладно ещё, если будет на них срываться, но хуже, если за спиной у молодого господина Чжао начнёт урезать им зарплату.

— А то. Эй, Лю Хуцзы, у тебя ведь с управляющим Чжао хорошие отношения, ты ничего не слышал?

Лю Хуцзы молчал. Кто-то заметил неладное:

— Хуцзы, что с тобой? Что-то ты бледный.

Ладони Лю Хуцзы были холодными и влажными от пота.

Он и сам не знал, что с ним. Просто, услышав, что управляющего уже нашли, он почувствовал необъяснимую тревогу.

— Я не...

— Старина Чжао, ты меня здесь ждёшь?

Снаружи раздался знакомый голос.

Лю Хуцзы, напрягшись, повернул голову и увидел стоящего в дверях Бай Цзыму.

Увидев Бай Цзыму, все работники замерли. Бай Цзыму вошёл вместе с управляющим Чжао, и его статус стал очевиден.

Это новый управляющий!

Но... почему такой молодой?

Они думали, это будет мужчина в годах.

Управляющий Чжао провёл Бай Цзыму внутрь и представил его всем.

— Тихо, тихо, послушайте меня. Думаю, вы все знаете, что я собираюсь уходить. К концу года я уезжаю. Это Бай Цзыму, новый управляющий, нанятый молодым господином. Теперь он будет вместо меня. Сяо Бай, это наши работники, все здесь. Я тебя с ними познакомлю...

Последняя надежда рухнула. Лю Хуцзы мгновенно побледнел, всё его тело застыло.

Кто-то, видя, как он сильно дрожит, забеспокоился и тихо спросил:

— Хуцзы, что с тобой? Тебе плохо?

Лю Хуцзы открыл рот, но горло перехватило, и он не смог вымолвить ни слова.

Слова, сказанные тогда Бай Цзыму, которые он никак не мог понять, теперь стали ясны.

Его охватила паника. Он поднял глаза и встретился с насмешливым взглядом Бай Цзыму. Ему захотелось тут же упасть в обморок.

Познакомившись со всеми, управляющий Чжао отправил их работать.

— Я покажу тебе задний двор, — сказал он. — В заведении, включая двух поваров и двух женщин, которые моют овощи и посуду, всего девятнадцать человек. Ты их всех только что видел. Надеюсь, вы поладите.

Он словно хотел его предостеречь, добавив:

— Два повара на кухне и бухгалтер — люди молодого господина.

Смысл был ясен: хоть он и уходит, хоть Пинъян и далеко от столицы, и в таверне он будет полным хозяином, но у них есть свои глаза и уши, так что пусть не расслабляется и работает хорошо.

Бай Цзыму, конечно, всё понял.

Этот старик зря беспокоится. Он, человек, прошедший перековку, развивший в себе ум, тело,

добродетель и красоту до предела, исполненный праведности, разве может он снова ошибиться?

Конечно, нет.

Управляющий Чжао провёл Бай Цзыму по всему заведению и показал ему «меню».

Точнее, не меню, а просто указал на груды овощей на кухне и рассказал, какие блюда они обычно готовят, какое из них фирменное и сколько что стоит.

В древности так и было. В тавернах не было меню. Гостей встречал разносчик и перечислял блюда.

Управляющий, конечно, тоже должен был это знать.

Бай Цзыму был в шоке. Проведя полдня в «учёбе» с управляющим Чжао, он совершенно вымотался.

После обеда, когда гостей стало меньше, в таверне был получасовой перерыв.

Разносчики обычно дремали где-нибудь в углу, а у управляющего и бухгалтера, как у начальства, была своя комната для отдыха на заднем дворе.

Зная, что Бай Цзыму придёт, управляющий Чжао поставил в комнате две кровати.

Бай Цзыму, уставший до смерти, лёг и тут же уснул.

Управляющий Чжао, глядя, как тот спит, раскинувшись, и даже пускает слюни, с улыбкой покачал головой.

Этот парень быстро учится, всё запоминает с первого раза, готов учиться и работать. Если сначала он был не очень им доволен, то теперь решил, что парень подходит.

В его возрасте сон короткий. Он выпил чаю и вышел на улицу.

— Управляющий Чжао.

К нему тут же подошёл Лю Хуцзы.

Управляющий Чжао посмотрел на него:

— Что такое? Есть дело?

Лю Хуцзы мялся. Управляющий Чжао нетерпеливо сказал:

— Говори, если есть дело. Сегодня я занят.

Собственно, ничего особенного.

Лю Хуцзы просто хотел, чтобы в таверне снова искали управляющего.

Ведь два тигра в одной горе не уживутся.

Если Бай Цзыму останется и получит власть, то после ухода управляющего Чжао он тут же его уволит.

Лю Хуцзы говорил иносказательно. Он сказал, что знает Бай Цзыму, что тот — проходящий зять, и, по слухам, у него нечистые руки. В таверну приходят разные гости, многие из них богаты и знатны, иногда, выпив, засыпают прямо за столом. Если в таверне будет такой человек, не наживём ли мы проблем?

Управляющий Чжао, глядя на его лицо, выражавшее искреннюю заботу о таверне, почувствовал ещё большее разочарование.

Утром он заметил, что Бай Цзыму как-то странно смотрит на этого парня. Но за всё утро Бай Цзыму не сказал о Лю Хуцзы ни одного дурного слова, не пытался его очернить.

Если бы Бай Цзыму действительно был нечист на руку, то в тот день, когда он приходил, в отдельной комнате на столе лежало столько дорогих вещей, а он даже не взглянул на них. Войдя, он вёл себя скромно, глаза его не бегали.

Хоть он и не знал, что между этими двумя произошло, но сейчас Лю Хуцзы, так нетерпеливо и бестактно пытаюсь очернить другого, держа его за дурака, разозлил его до глубины души.

Глядя на Лю Хуцзы, он смотрел на него уже другими глазами.

Когда Лю Хуцзы только пришёл, он был трудолюбивым и честным. Но проработав долгое время, он, как заметил управляющий Чжао, зазнался, стал самодовольным и даже немного забылся. Но только сегодня он понял, что этот человек к тому же совершенно не умеет терпеть.

Оставим пока их ссору с Бай Цзыму. Слова Лю Хуцзы были просто смешны.

Он что, думает, что управляющий — это какая-то дешёвка?

Захотел — нанял, захотел — уволил?

И даже если бы он был недоволен Бай Цзыму, это был человек, которого выбрал сам молодой господин. Даже у него не было права его уволить. А Лю Хуцзы осмеливается говорить ему такое.

— Он нечист на руку, откуда ты знаешь?

Лю Хуцзы, услышав в его голосе недовольство, не понял причины и на мгновение замер:

— Я... я слышал от людей.

— Вот как, — холодно усмехнулся управляющий Чжао. — А я вот слышал, что ты человек неблагодарный!

Лю Хуцзы побледнел:

— Дедушка Чжао, то, что было в прошлый раз, — это недоразумение. Каков я человек, разве вы не знаете? Может, это Бай Цзыму что-то сказал? Его словам нельзя верить, у нас с ним давняя вражда, он просто...

— Хватит, — прервал его управляющий Чжао. — Меня не волнует, какая между вами вражда. Я знаю только, что на твоём месте я бы сейчас не пытался по-глупому его задеть, а изо всех сил старался бы наладить с ним отношения. А не бегал бы к другим, пытаюсь распускать сплетни. Ты что, думаешь, все дураки, один ты умный?

Его маленькие хитрости были безжалостно раскрыты. Лю Хуцзы, побледнев, не мог вымолвить ни слова.

***

Сегодня Цзян Сяои не пошёл в горы рубить дрова.

Свинарник на заднем дворе был старым, построенным не из кирпича — ведь даже люди жили в глинобитных домах, что уж говорить о свиньях.

Свинарник был сделан из вкопанных в землю брёвен, оплетённых бамбуковыми прутьями, и накрыт простым навесом из соломы, чтобы дождь и ветер не попадали внутрь.

Семья Цзян уже много лет не держала свиней, и деревянные прутья свинарника сгнили. Цзян Сяои решил сегодня сходить в горы, нарубить новых прутьев и соломы, чтобы как следует его починить.

Он как раз был занят на заднем дворе, когда к нему подошёл Цзян Сяоэр с игрушечной машинкой в руках.

— Старший брат, — он выглядел недовольным, его губы были надуты.

Цзян Сяои отложил топор:

— Что случилось? Не играешь с братом в машинку? Машинка сломалась?

— Нет, — покачал головой Цзян Сяоэр, его глаза медленно наполнились слезами. — Сяоэр скучает по гэфу. Сегодня так долго не видел гэфу.

Цзян Сяои вздохнул.

Сегодня, когда малыши проснулись, Бай Цзыму уже ушёл. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань бросились в главную комнату, чтобы найти его, но в постели его не было. Заглянули на кухню — тоже нет. Они спросили у Цзян Сяои, и тот сказал, что Бай Цзыму ушёл на работу.

Малыши, услышав это, не стали капризничать.

Они знали, что значит «на работу». Это как отец, который уходит на весь день и возвращается только вечером.

Работа приносит деньги, а на деньги можно купить мясо.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань хотели быть послушными, чтобы гэфу, вернувшись, их похвалил. Но прошло всего утро, а они уже так соскучились.

Раньше, когда Цзян Сяои и Бай Цзыму ходили на ярмарку, они отсутствовали всего два часа, а сейчас — почти целый день.

Цзян Сяосань даже перестал играть в свою любимую машинку, просто обнял её и сел на пороге, маленький комочек, и всё смотрел в сторону деревни.

Цзян Сяои не знал, что и сказать.

Хорошо, что отца не было дома, а то, увидев такое, он бы снова расстроился.

Ведь когда он уходил на работу, Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань никогда так... не тосковали, не выглядели такими безжизненными, будто вот-вот умрут.

— Будь умницей, — погладил он его по голове. — Вечером гэфу вернётся. Если ты сможешь старшему брату, я ему расскажу, и он вас поцелует, хорошо?

— Хорошо, — Цзян Сяоэр легко поддавался на уговоры и тут же обрадовался. — Старший брат, что Сяоэру делать? Сяоэр самый сильный работник.

— Знаю, — улыбнулся Цзян Сяои и дал ему несколько верёвок. — Помоги мне связать эту солому в маленькие пучки. Скоро я буду строить новый дом для поросёнка.

Цзян Сяоэр, отвлёкшись на другое дело, перестал капризничать.

Через некоторое время пришёл и Цзян Сяосань. Ему нравились поросята — ведь это мясо, которое, если хорошо вырастить, можно будет продать за большие деньги. И милые жёлтые утята, которые будут нести яйца, а жареные яйца такие вкусные.

При этой мысли у него прибавилось сил. Он взял маленькую палку и, выпятив попку, принялся усердно копать яму.

Трое братьев работали с энтузиазмом.

Но Цзян Сяосань скорее мешал, чем помогал. Но Цзян Сяои, боясь, что тот начнёт капризничать, позволил ему делать что хочет.

Проработав весь день, ближе к вечеру, Цзян Сяои вытер пот со лба Цзян Сяоэра:

— Возьми брата и сходите на огород, нарвите листьев, чтобы покормить поросёнка и утят, хорошо...

Не успел он договорить, как из соседнего двора Цянь донёсся крик.

Это был дядя Цянь.

Дядя Цянь был человеком мягким, он редко так злился.

Хоть подслушивать и нехорошо, но, беспокоясь, что что-то случилось, Цзян Сяои всё же подошёл к плетню.

<http://bllate.org/book/13701/1593361>